

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

В.И. Стрелков

К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
Ф.Р. АНКЕРСМИТА

Данная статья посвящена некоторым перспективам в философии истории, которые обнаруживаются (или, напротив, зачеркиваются) в работах голландского философа Ф.Р. Анкерсмита - одной из самых ярких фигур (наряду с Д. Ла Капра, Х. Келлнером, Л. Госсменом и др.) в метаисторических новациях англосаксонской историографии, достаточно отчетливо заявивших о себе в 70-90-х годах нашего века.

Введением в позицию Анкерсмита могут послужить две пространные цитаты из работы испанского философа Х. Ортега-и-Гассета "Дегуманизации искусства". Обращая внимание на феномен нового искусства, он, в частности, пишет: "Чтобы видеть предмет, нужно известным образом приспособить наш зрительный аппарат. Если зрительная настройка неадекватна предмету, мы не увидим его или увидим расплывчатым. Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент мы смотрим в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет - это сад и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом сквозь него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезнет из поля зрения, и единственное, что останется от него, - это расплывчатые цветные пятна, которые покажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад и видеть оконное стекло - это две несовместные операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации". С точки зрения испанского философа, отличительной особенностью нового искусства (т.е. искусства, которое не перестает быть трудным для восприятия, непривычным) является перенос внимания с традиционного объекта искусства (который "традиционен" лишь в силу многовекового приспособления зрения именно к *такому* способу быть *предметом*) на новый, прежде остававшийся невостребованным. И далее: "...большинство людей не может приспособить свое зрение так, чтобы, имея перед собой сад, увидеть стекло, т.е. ту прозрачность, которая и составляет произведение искусства: вместо этого люди проходят мимо (или сквозь) не задерживаясь, предпочитая со всей страстью ухватиться за человеческую реальность, которая трепещет в произведении. Если им предложат оставить свою добычу и обратить внимание на само произведение искусства, они скажут, что не видят там ничего, поскольку и в самом деле не видят столь привычного им человеческого материала - ведь перед ними чистая художественность, чистая потенция"¹.

Приведенные цитаты представляются уместными постольку, поскольку то, что Ортега-и-Гассет в начале нашего века говорил об искусстве, в какой-то степени применимо в конце века в разговоре о философии истории. Говоря конкретнее — о постмодернистской философии истории, одним из наиболее ярких адептов которой обоснованно считается Ф. Анкерсмит. Это тем более уместно, что сближение историографии и эстетики, истории и литературоведения, истории и филологии образует одну из особенностей постмодернистского проекта истории. Именно перефокусирование внимания исследователя с того, что традиционно считалось и считается объектом историографии - с прошлого самого по себе, на тот инструмент, благодаря которому это прошлое может быть представлено - на язык исторических дескрипций, образует одну из предпосылок постмодернистского историографического дискурса. Традиционная (модернистская) историография исходила, по мнению Анкерсмита, из "постулата двойной прозрачности". Во-первых, исторический текст рассматривался в модернистском дискурсе в качестве "прозрачного" по отношению к находящемуся "позади него" историческому бытию, которое впервые этим текстом и обнаруживалось для всеобщего обозрения. Во-вторых, исторический текст представлялся "прозрачным" для самого автора текста. "Прозрачным", т.е. допускающим любые с ним манипуляции. Язык, используемый при написании текста, казался инструментом - надежным, не допускающим искажений, если им умело управлять. Язык историка выглядел оптимально скроенным для формулирования и последовательного проведения теоретической позиции автора. Иными словами, модернистское понимание исторического исходило из признания способности языка историка пропускать через себя как само прошлое, так и концептуальное настоящее самого исследователя². При этом акценты могли быть разные - от полного устранения субъекта историописания, чтобы прошлое заговорило само, до признания полной обусловленности исторического текста политической или какой-то иной позицией его автора. В любом, однако, случае предполагалась "прозрачность" или "отзывчивость" языка, на котором писался текст.

Одной из важнейших предпосылок постструктуралистского историографического дискурса как раз и является признание непрозрачности исторического текста, как по отношению к описываемому в нем прошлому, так и по отношению к намерениям автора. Постулат о прозрачности выдает, по мнению Анкерсмита, эпистемологическую наивность модернистской парадигмы истории, ее неспособность признать, что *что* высказывания неотделимо от его *как*. И даже более того - что *как* и является *что*. Новая историография исходит из того, что язык, с помощью которого оформлялся всякий исторический документ, равно как и всякий, базирующийся на нем исторический текст, является границей познания. "Границы текста, - отмечает Анкерсмит, - оказываются границами исторической литературы"³. В более общем смысле

язык представляется новой историографии, как и философии, на которую она опирается, универсальным полем человеческого познания, за которое субъект в принципе не может выйти. Основополагающий догмат традиционного подхода в историописании, который по существу остается нетронутым и в просвещенческой философии истории и в историцистской модели последней, воспроизводит фундаментальную особенность нововременного мышления - неverifiedируемую убежденность в том, "что каждое отдельно событие может быть соотнесено с предшествующими событиями совершенно определенным образом, иллюстрирующим общие принципы"⁴. В свою очередь, подобная убежденность базировалась на познании гомогенности бытия и сознания, возможности "обеспеченного истиной" перехода от мысли к реальности. От такой же гомогенности отталкивается и постмодернизм. Другое дело, что универсальным "субстратом" такого рода гомогенности оказывается язык, за пределы которого человеку в рамках данного дискурса отказано выходить: Поэтому любое утверждение о реальности означает в нем не просто утверждение на некотором языке, но утверждение о языке. Философия занимается тем, что поддается высказыванию. Заключительная формула "Логико-философского трактата" Л. Витгенштейна гласит: "О чем невозможно говорить, о том следует молчать"⁵. Философия есть дисциплина, описывающая границы того, что поддается оформлению в языке. Высказывает же себя лишь сам язык. Словесной артикуляции поддается некоторый осмысленный текст. Смысл же обусловлен способом связи претендующей на осмысленность языковой единицы (слова, предложения, текста и т.п.) с другими ей сопорядковыми языковыми единицами. Чтобы достичь смысловой определенности, не требуется выходить за пределы языковой реальности. Претензия на такого рода выход (в виде, например, апелляции к прошлому самому по себе или миру самому по себе, существующим независимо от человеческого сознания как носителя и источника языка) противоречит такому пониманию смысла. Иными словами, попытка выйти за пределы смыслообразующего уровня языка сама не имеет смысла и не представляет собой значимого в эпистемо-логическом отношении продукта.

Применительно к истории это означает констатацию того обстоятельства, что всякое осмысленное утверждение, касающееся прошлого, соотносит нас не с самим этим прошлым, которое навсегда остается за пределами сферы смыслов, являясь некоей принципиально неподдающейся оформлению, пред-данной, самой культурой неосваиваемой границей культурного пространства, но с той или иной языковой моделью прошлого. Язык в виде текста, актуально или потенциально, составляет соединительную ткань всякого акта человеческого понимания, т.е. всякого человеческого общения. Язык с этой точки зрения принципиально "непрозрачен" по отношению к прошлому. Последнее нельзя увидеть не потому, что оно уже ушло из бытия, но потому, что

оно не имеет никакого смысла вне той языковой формы, с помощью которой о нем нечто высказывается. Прошлое как таковое не может стать объектом познания. В лучшем случае оно предполагается в связи со способами функционирования текста. Но оно не может полагаться в качестве объекта.

Точно так же текст далеко не столь "прозрачен", как это представляется историку-модернисту, и по отношению к его собственным теоретическим установкам. Не столь послушен, не столь однозначен. Текст заключает в себе намного больше, чем пытается заложить в него автор. В большой степени текст образует автора, а не автор текст. Текст живет собственной жизнью, отражающей жизнь других текстов, играющей с ними. Текст предполагает избыток значений, являя собой арену столкновения различных кодов. Поэтому уже невозможно говорить о послушности языка автору текста. То, *что* хочет сказать историк, подчиняется тому, *как* он это говорит. При этом ресурсы текста практически безграничны и свести их к некоторой компактной однозначной авторской позиции невозможно. Из этого обстоятельства, в частности, следует доминирование филологии, литературы над историей, в чем оправданно обвиняют постмодернистскую историографию. От того, что в литературе речь идет о фиктивных объектах, а в истории о доподлинно существовавших, ничего в принципе не меняется, поскольку само такое разделение — на фикцию и на реальность — как раз и ставится под сомнение в рамках постмодернистского дискурса. Подобное разделение, с точки зрения Анкерсмита, характеризует эпистемологическую модель философии истории, которая вполне вписывается в модернистскую позицию. "Нарративная философия истории... нацелена на природу языковых инструментов, с помощью которых историки пытаются понять прошлое. Эпистемологическая же философия истории озабочена отношениями между суждением историка и тем, о чем эти суждения высказываются; нарративная философия истории пытается не выходить за рамки языка исторического описания". Согласно Анкерсмицу, если организационной единицей исторического текста является суждение, то модернизм прав, так как суждение предполагает отношение соответствия-несоответствия между высказыванием и его предметом, зазор между формой и содержанием. Голландский философ пытается выявить в историческом тексте иные структурные единицы. Он называет их нарративными субстанциями, что уже само по себе — свидетельство того, что данные формы организации текста не нуждаются и не предполагают другой субстанции, кроме субстанции самого языка. «Нарративные субстанции, — пишет он, — суть подлинные семантические "черные дыры" в языковом универсуме, которым мы пользуемся»⁶. Сравнение с черными дырами весьма показательное, ибо тем самым Анкерсмит подчеркивает беспредпосылочность нарративных субстанций, их укорененность в языковом дискурсе. Они, следовательно, не предполагают никакой глубины, верти-

кали. Они отсылают не к доязыковому бытию, а к другим нарративным субстанциям.

Характеризуя постмодернистское движение в целом, нелишне указать, что оно разворачивается в русле, проложенном в начале нашего века гуссерлевской феноменологией. Феноменологическая революция вызвала к жизни представление о беспредпосылочной реальности - феномене. В самом общем смысле феномен можно понимать либо как такую реальность, которая репрезентирует нечто иное, чем она сама (как явление репрезентирует сущность), причем эта инаковость не абсолютна, т.е. позволяет говорить, что феномен как-то дает знать о том, что он предъявляет для освидетельствования, но именно как-то, т.е. не вполне, не адекватно, не полностью; либо как реальность, которая и есть то, чем она представляется, которая и может только существовать, предъявляя себя, ничего при этом не скрывая, не искажая, ни к какой инаковости не отсылая. Феноменология Гуссерля опиралась и разрабатывала именно второе понимание феномена. Бесспорно, что в пределах постмодернистского дискурса язык есть такого рода феномен, который отсылает только к себе самому. Он самореференциален. В том числе тот язык, тот текст, который образует единственную материю историографического исследования, - именно о ней имеет смысл вести речь.

Традиционный исторический дискурс исходит из наличия абсолютных ориентиров, т.е. абсолютных референтов. Таково прежде всего само прошлое. Оно образует онтологический фундамент, т.е. и предпосылку и абсолютную рамку всякого текста. Последний существует в данной системе воззрений только в той мере, в какой он отнесен к этому единому фундаменту. Постмодернизм же признает условием идентификации текста присутствие другого текста. Историческая интерпретация впервые оказывается признанной, с точки зрения Анкерсмита, только если есть другая интерпретация. Тот, кто знает одну лишь интерпретацию, в действительности не знает ни одной. Прошкое, с которым имеет дело историография, есть некое описание прошлого. Оно может быть уподоблено тексту, написанному на иностранном, неизвестном языке, который, однако, вполне соотносим в своих лексических, грамматических, стилистических, синтаксических размерностях с тем, на котором вы создаете ваш собственный текст. История сопротивляется дихотомии язык/реальность. Язык истории не является зеркалом природы, но предстает частью самой природы. Язык, используемый в истории, сам есть вещь; и наоборот - вещи, объекты историописания языкоподобны (language-like). Онтология постмодернистского текста имеет лингвистический характер. Ткань такого рода "лингвобытия" образуется из взаимореферентности нарративных субстанций, создающей своего рода поле письма. Анкерсмит замечает, что для него "постмодернизм есть прежде всего теория письма. Таким образом, это не столько теория интерпретации, каковой является герменевтика,

сколько теория (непреднамеренных) следствий интерпретирующего письма в той мере, в какой мы обнаруживаем эти следствия (effects) в литературной теории и, конечно, в историографии"⁷. Эти неконтролируемые автором следствия, вытекающие из простого наличия письменного текста, образуют своего рода "сад расходящихся троп (тропов)". Их фиксация имеет начало, но не имеет конца, ибо нет конца игре интертекстуальности. Текст парадоксальным образом не приближает, а удаляет от читателя тот объект в прошлом, по поводу которого он, казалось бы, и возник. Такой объект как бы "откладывается на потом", по мере нашего погружения в игру отражений и систем кодирования, воплощенных в историческом тексте. История истончается, превращаясь в подсистему лингвистических знаков. В попытке описать историческую реальность мы входим в лабиринт, из которого нет выхода - ведь игре интертекстуальных отражений нет предела. Текст функционирует как открытая система, порождающая все новые смыслы. Понимаемый текст таким образом не только закрывает доступ к прошлому в его исходной событийной непосредственности, но ставит под вопрос само его существование в качестве суверенного объекта знания⁸.

Историческое бытие обнаруживает, согласно постмодернистской трактовке текста, не столько присутствие, сколько эффект присутствия. Э. Гомбрих, один из наиболее часто цитируемых Анкерсмитом ученых, работающий в русле постмодернистской эстетики, утверждает, что произведение современного художника — это уже не миметическая реконструкция некоей прареальности, но ее субституция. Он создает не подобие единой для художника и зрителя реальности, но особую псевдореальность. Точнее, новую реальность, ибо она онтологически ничем не отличается от той, к которой отсылают нас классические художественные произведения. "Поскольку, - отмечает Анкерсмит, - позиция историка и язык, с помощью которого он эту позицию выражает, нигде не соприкасаются (intersects) с областью собственно прошлого, постольку историография обладает той же непрозрачностью, той же интенциональной размерностью, что и искусство". Иными словами, субститут реальности, каким является художественный артефакт, подобен субституту исторического прошлого, представленного в тексте историка. Единство текстового пространства, заступившее место единства бытийного пространства, позволяет, по мнению Анкерсмита, оценивать качество того или иного исторического текста по сугубо лингвистическим параметрам. "Содержание (исторического текста. - В. С.) производно от стиля"⁹. Если раньше стиль оформления текста являлся чем-то второстепенным, преходящим, ничего в его отношении с исторической правдой не добавляющим, то для постмодернистского текста его стилистические параметры зачастую оказываются решающими. При тойсылке, что исторический текст есть субститут прошлого, т.е. единственно для нас доступный способ существования этого прошлого, а не его подобие, не максимально близкая к единственно-

му оригиналу копия, естественной представляется его оценка, основывающаяся не на критерии того, насколько он в качестве копии далек или, напротив, близок оригиналу, но на критерии того, насколько он хорошо выполняет свою функцию в качестве заместителя исторической реальности, насколько он привлекателен как оригинал прошлой реальности, а не как ее отображение.

В этом смысле неизбежный вопрос о качестве текстовой продукции историков прошлого также решается в соответствии с ее лингвистическими параметрами. Проблема прогресса в историческом познании обусловлена проблемой его "текстовой организации"¹⁰. Именно решение этой проблемы должно показать, почему мы предпочитаем в качестве неустаревающего исторического источника тексты Гиббона, Ранке, Маркса, а не тексты их менее талантливых (в организации текстового пространства) современников.

Прошлое само по себе как универсальный референт любого исторического исследования — это эпистемологически бесполезное понятие. Своего рода — фантом. «Тексты, добавляет Анкерсмит, — это все, что у нас есть, и мы можем сравнивать их только с другими текстами. Если мы ищем лучшее описание (account) прошлого, нам следует спросить себя, в каком из этих текстов доступные исторические данные лучше всего используются. Но мы никогда не в состоянии проверить наши выводы, соотнеся выбранный текст с самим "прошлым". Таким образом, нарративные субстанции не отсылают к прошлому, равно как не требуются такого рода отсылки и для дискуссий между историками»¹¹.

По преимуществу лингвистическая размерность исторического текста, будучи признанной в качестве фундаментальной для истории как науки, открывает возможность описания любого соответствующего текста в терминах стилистических тропов. Ярким образцом продуктивности такого подхода для Анкерсмита является творчество Х. Уайта¹². У последнего, как известно, фигурируют четыре стилистических тропа (метафора, метонимия, синекдоха и ирония). Согласно Уайту, всякий историк, сознательно или бессознательно, преобразует исторические источники, которые уже сами по себе являются некоторыми текстами, поддающимися описанию в соответствии с нормами литературоведческой обработки любых текстов, в исторические нарративы. Стилиевые формы интерпретации и подачи читателю этих нарративов образуют некую направляющую, которая имеет целью ориентацию читателя в том, как следует (точнее, как возможно) принимать исходную группу источников. Нарратив не столько воспроизводит события прошлого в виде связного рассказа о них, сколько задает модель его восприятия, наполняя ее некоторыми эмоциональными валентностями. Метафора не создает образ вещи, но выявляет русло, тональность, в рамках которой можно воссоздавать образы утраченного прошлого. Сам выбор историком соответствующей тональности нарратива и де-

лает последний возможным и действенным, т.е. в конечном счете интересным для читателя.

Исторический текст произведен от позиции историка - это не новость. Как не новость и то, что всякий исторический текст есть результат определенной интерпретации прошлого. Как отмечает, например У. Уолш, "не дело историка предсказывать (predict) будущее, но его важной обязанностью является досказывать (retrodict) прошлое, т.е. устанавливать, основываясь на настоящем, чем оно должно быть"¹³. Новостью, однако, по мнению Анкерсмита, явилось привлечение Уайтом внимания историков и философов истории к вопросу о том, почему исследователь вообще предпочитает одну интерпретацию другой¹⁴. Общий ответ Уайта на этот вопрос таков: подобное предпочтение обусловлено языковой практикой.

Правда, Анкерсмит не во всем согласен с Уайтом. Об этом несогласии полезно упомянуть, поскольку оно позволяет рельефнее выявить позицию самого голландского философа. В первую очередь Анкерсмит возражает против наличия рудиментов эпистемологической модели философии истории, обнаруживающихся в основополагающей работе Уайта. Таковые вырисовываются в прокламируемой самим же Уайтом тенденции к сближению тропологии исторического нарратива с кантовскими категориями рассудка. Это означает, с точки зрения Анкерсмита, что Уайт на лингвистическом уровне восстанавливает кантовский идеал трансцендентального субъекта. В свою очередь, подобное восстановление субъект-объектного дискурса означает, что порог субстанциальности, референциальный абсолют переносится от текста с его самодостаточной, самопорождающей структурности, от исторического нарратива к носителю языка, к автономному субъекту, субстанциально обнаруживающему себя в выборе той или иной модели описания прошлого. Эпистемологичность данной схемы вытекает из того, что в ней воспроизводится традиционная для позитивизма дихотомия язык/реальность. Язык по-прежнему предстает в ней неким посредником, промежуточным звеном. Правда, место абсолютного референта занимает в ней не прошлое само по себе, а индивид сам по себе. Однако это не меняет существа дела, так как сохраняется иерархическая структура исторического описания, в которой язык отнюдь не образует основания системы, ее беспредпосылочного и безусловного "дна", которое можно фиксировать, с которым можно "играть", но которое невозможно выводить из чего-то более основательного. По существу данная схема близка эпистемологической модели Р. Коллингвуда (каковую Анкерсмит определяет как аналитическую герменевтику, но от которой сам вполне сознательно дистанцируется). Это и понятно, ибо для постмодернистского дискурса больше языка может быть только сам язык, основанием текста - только другой текст¹⁵.

Анкерсмиту намного ближе позиция Р. Рорти, заключающаяся в тотальной критике той, идущей от Декарта, модели познания, где су-

ществленную роль играет *forum internum* (внутренний посредник, зеркало внешней реальности) - тот метафизический "довесок", который, с точки зрения лингвистического эмпиризма, возобладавшего в современной философии, не может быть в достаточной степени обоснован и должен быть отвергнут как фантазм сознания. Не менее анахроничен и эпистемологический субъект, возможность перехода от которого к эпистемологическому объекту в виде мира самого по себе, явилась неразрешимой проблемой для философии нового времени, скандалом в философии, по выражению Канта.

Не согласен Анкерсмит и с тем, что четырехчленная схема Уайта претендует на то, чтобы быть исчерпывающим регистром перечня нарративных возможностей исторического текста.

В целом, однако, Анкерсмит признает фундаментальный вклад Х. Уайта в трансформацию философско-исторической модели в англосаксонских странах. При этом он обращает внимание на следующие моменты такого рода трансформации: а) благодаря эпохальной работе Уайта англоязычная философия истории хоть и с опозданием, но стала соответствовать постмодернистскому движению в современной западной философии, что, помимо прочего, сделало ее открытой диалогу с другими областями философского дискурса; б) объясняющая, дескриптивная ориентация прежней философии истории уступила место лингво-интерпретационной ориентации; в) постмодернистская философия истории возродила интерес к крупномасштабным историческим текстам, тогда как следование позитивистской модели историописания привело к "мелкотравчатости" исторического исследования, к преобладанию в нем частной тематики (разумеется, следует иметь в виду, что возвращение к тотальной истории в русле постмодернизма не означает принятия на вооружение очередной "большой теории", позволяющей, например, вернуться к жанру всемирной истории); г) постмодернистская философия истории, признавая, что нарративный язык субстанциален, "вещен", а следовательно, не допускает эпистемологического описания предпосылок и результатов исторического текста - ведь такое описание исходит из вертикали вещи/слова - упраздняет эпистемологическую модель историографии; д) постмодернизм ликвидирует традиционную для эпистемологии дихотомию "историческая дескрипция прошлого/прошлое само по себе"; е) традиционный отбор того, что можно и чего нельзя говорить при написании истории, переводится в плоскость стилистической проблематики, стиль при этом перестает играть роль внешней "формы" исторического текста, но превращается в "субстанцию" истории; ж) наконец, постмодернизм ставит предел неизбежному, с точки зрения Анкерсмита, антиисторизму эпистемологического проекта в истории, поскольку инаковость прошлого более не редуцируется к "комфортабельной" тождественности генерализирующих законов истории, нормативных утверждений или принципов философии действия¹⁶.

Одним из наиболее либеральных следствий постмодернистского проекта в историографии Анкерсмит считает предоставляемую им возможность сосуществования самых разных исторических текстов, разных манер написания истории (в том числе таких, которые исходят из постулатов спекулятивной философии истории по типу гегелевской или тойн-бианской). Их равное право на существование вытекает из отбрасывания все того же общего онтологического знаменателя (иного, чем сам текст). Напротив, они сами составляют такого рода знаменатель. Критерии их научной ценности - они сами. Отрицаются - это верно - их претензии на исключительность, на обладание полнотой истины, вытекающей из отсылки к некоторой универсальной логике исторического процесса. Отрицается ригористичность, основанная на несовместимости с другими манерами исторической дескрипции. Но сохраняется их роль как полноценного участника "разговора исторических текстов".

С этой точки зрения в истории исторической науки ничто не пропадает, ничто не утрачивает своей ценности. Равновеликость текстов историков XVI и, скажем, XIX в. обусловлена некумулятивностью познания в истории. По Анкерсмицу, ценность исторического текста обнаруживается в феноме интертекста, т.е. в ситуации, когда этот текст стимулирует создание других текстов, спорящих с первым, реализующих другие лингвистические возможности, дающих иные интерпретации. Если для модернистского проекта совершенный текст, т.е. текст максимально близкий к своему абсолютному объекту - прошлому, должен сводить на нет возможности иных трактовок того же самого прошлого (мысль, заметим, не бесспорная), то для постмодернистского проекта удача историографического предприятия должна сопровождаться всплеском конкурирующих предприятий. Анкерсмит приводит в этой связи слова Г. Башляра: "Истинный факт - это тот, который вызывает наибольшие возражения". Анкерсмит стремится оправдать свою позицию перед критиками, обвиняющими его в новом типе субъективизма. В самом деле, о каком субъективизме может идти речь, когда именно субъект в тексте и исчезает. Остается сам текст. Остается наблюдатель, который ничего не добавляет от себя как субъекта, но лишь позволяет тексту раскрывать свои значимые возможности. Текст есть основа постмодернистского исследования как раз в той мере, в какой он ничей. Или, если угодно, всякий текст есть текст других текстов.

Анкерсмит также не претендует на легитимизацию доминирования современных форм письма над прошлыми его формами. Наоборот, по его мнению, легитимизация чего бы то ни было и есть особенность модернистской позиции. Постмодернизм ничего не желает навязывать, ибо сознательно избегает эссенциализма. Позиция Анкерсмита не предписывающая (prescriptive), а описывающая (descriptive). Философия постмодернизма намного скромнее, чем позиция традиционной европейской метафизики, в том числе историософской метафизики.

Весьма показательно следующее утверждение Анкерсмита: "Постмодернизм - номиналистическая версия историзма"¹⁷. Историзм толкует нам о нациях, этносах, отдельных индивидах, постмодернизм — о лингвистическом аппарате, который мы используем, чтобы говорить о тех же нациях, этносах, индивидах. В самом деле, в содержательном плане постмодернизм не идет дальше *nomina*. Точнее будет сказать - не идет дальше констатации некоей очевидной реальности - языка. В этом отношении постмодернизм вполне верен критериями истинности, выработанным философией нового времени. Истинно то, что фиксируется нашим сознанием ясно и отчетливо. Но если для Декарта такой очевидностью обладала логико-математическая сфера, то для Анкерсмита это сфера языка, причем не столько с точки зрения грамматики, сколько - стилистики и семантики. Постмодернизм голландского философа достаточно традиционен и в том, что касается понимания смысла текста (а значит, и истины) как феномена самого текста. Когда оппонент Анкерсмита П. Загорин указывает на то, что постмодернизм (вкупе со всем современным искусством) не имеет глубины, исключительно поверхностен, лишен, так сказать, метафизического "задника", он во многом прав. Прав он и в том, что последовательное проведение постмодернистской точки зрения в истории приводит к утрате собственно прошлого, к дезинтеграции времени, превращающегося в серию моментов настоящего, не связанных между собой¹⁸. Следует тем не менее иметь в виду, что подобная поверхностность составляет атрибут англосаксонской философии языка, начиная по крайней мере с Т. Гоббса. Для последнего, как для номиналиста, смысл и истина (в отличие от Анкерсмита Гоббс говорил и об истине) суть языковые феномены. Истинно скорее не то, что верно отражает реальность за пределами речи, но то, что обусловлено структурированностью самой речи. Истина не столько отсылает нас к миру самому по себе, сколько заставляет всмотреться в порядок слов. Истина в этом смысле горизонтальна, т.е. поверхностна. Она скользит вдоль языка, не выходя за его пределы. Можно сказать и так: само обращение в речи к внеречевой реальности лишь подчеркивает неизбежность речевой оформленности того, что мы считаем существующим вполне суверенно. Как показал А. Гудмен, то, что сказано, не может быть вполне отделено от того, как оно сказано. Языковая форма не внешний по отношению к содержанию довесок, но часть самого содержания.

Справедливо и утверждение оппонента Анкерсмита, что сфера смыслов лежит на поверхности. Но не обязательно понимать это в уничижительном смысле. Скорее, вслед за Ж. Делезом, следует говорить о фанице различных сред как месте рождения всякого смысла. Что же касается такого "проступка" постмодернистского дискурса, как дезинтеграция времени, то он действительно ставит под вопрос некую константу европейской мысли, имеющую свой исток, по крайней мере в платонизме, и заключающуюся в положении, согласно которому

"быть", собственно, означает "быть причастным единому". Нечто существует в той мере, в какой оно входит в целое. Последнее имеет примат над отдельным. Однако вряд ли указанную константу следует принимать безоговорочно. В ней реализуется определенный тип рациональности, так же, как и определенный подход к истории, выводящий на первый план ее непрерывность, тотальность, логоцентричность, континуальность. В философском дискурсе нашего века тем не менее нашлось место и для категории дискретности, по крайней мере как равноправного члена оппозиции континуальность/дискретность¹⁹. И не только в рамках структуралистской революции. Так, весьма плодотворной представляется позиция Э. Левинаса именно применительно к проблеме исходной дискретности времени, в том числе исторического²⁰.

Бесспорно, что философско-историческая концепция, разрабатываемая Ф. Анкерсмитом, сама может быть обвинена в том, в чем она обвиняет других - в недостатке скромности, недостаток, который, в свою очередь, есть скромное обозначение догматизма или, по крайней мере, односторонности (если вернуться к метафоре Ортега-и-Гассета - односторонности видения того, чем видишь). Интересно, что один из упреков Анкерсмита, адресованный Уайту, как раз и состоит в том, что он, по мнению Анкерсмита, склонен все исторические дискуссии сводить к их лингвистической стороне. Тогда как "нарративные интерпретации... суть лингвистические объекты, создаваемые историком для того, чтобы придать смысл прошлому". Разумеется, признает Анкерсмит, дебаты о достоинствах и недостатках исторических интерпретаций представляют собой дебаты об этих лингвистических объектах. Однако не следует забывать, - подчеркивает философ, — что именно историческая информация, т.е. некоторое событийное, задокументированное данное, делает эти объекты тем, что они суть²¹.

Можно, вероятно, по-разному трактовать это высказывание. Например, так: язык является для исследователя предельной осмысленной реальностью. Смысл неотделим от текста и рождается из интертекстуальной игры нарративных субстанций. Допустим, что это так. Но само существование языка, сама текстуальность предполагает что-то иное по отношению к языку и тексту. Инаковость неустранима, поскольку смысл рождается внутри языка, но внутренняя смысл порождающая функция языка все же предполагает нечто вне ее. Иначе бы сам язык "заглох". Текст существует, имея в виду иное. Язык питается неназываемым. Называя неназываемое, он не охватывает это последнее в слове, но порождает поле смыслов. Будучи постмодернистом, сам Анкерсмит употребляет модернистскую терминологию. Он толкует о "прошлом", хотя "прошлое" - это слово, это сегмент текста, существующий сейчас, получающий свой смысл из его соотносительности с другими словами, составляющими текст. Но в то же время "прошлое" есть указатель того, что это слово - некий коррелят того, что в слове не присутствует, не улавливается. Языковое поле субстанциально, ибо яв-

ляется генератором смысла. Но его субстанциальность обусловлена его открытостью неязыку, несмыслу, неречи. Весь язык - указатель.

- 1 *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М, 1991. С. 224, 225.
- 2 *Ankersmit F.* The Reality Effect in the Writing of History: The Dynamics of Historiographical Topology. Amsterdam; N.Y., 1989. P. 5-6.
- 3 *Ibid.* P. 9.
- 4 *Уайтхед А.* Наука и современный мир // Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1999. С. 68.
- 5 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М., Ч. 1. С. 73.
- 6 *Ankersmit F.* The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History // History and Theory. 1986, N. B. 25 P. 2; *Idem.* Reply to Professor Zagorin // *Ibid.* 1990. N3. P. 281.
- 7 *Ankersmit F.* Historiography and Postmodernism // *Ibid.* 1989. N 2. P. 144; *Idem.* Reply to Professor Zagorin. P. 288.
- 8 *Spiegel G.* History, Historicism and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // *Speculum.* 1990. N 1. P. 63-64.
- 9 *Ankersmit F.* Historiography and Postmodernism. P. 144, 145.
- 10 *Ankersmit F.* Reply of Professor Zagorin. P. 295.
- 11 *Ibid.* P. 281.
- 12 *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973.
- 13 *Walsh W.* An Introduction to Philosophy of History. Hassocks, 1976. P. 41.
- 14 *Ankersmit F.* The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History. P. 26.
- 15 Ср. основополагающую формулу Ж. Деррида: П n'y a pas de hors texte.
- 16 *Ankersmit F.* The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History. P. 21.
- 17 *Ankersmit F.* Reply to Professor Zagorin, P. 277.
- 18 *Zagorin P.* Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // History and Theory. 1990. N 3. P. 266.
- 19 *Ibid.*
- 20 См., например: *Визгин В.П.* Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
- 21 *Ankersmit F.* The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History. P. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕНЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshvsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
<i>DISCUSSION</i>	58
<i>L.M. Batkm</i>	
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
<i>P.Yu. Uvarov</i>	
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

<i>Vyach. Vs. Ivanov</i>	
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
<i>Martin Dinges</i>	
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
<i>A.Ya. Gurevich</i>	
SUMMING UP	125
<i>V.I. Strelkov</i>	
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

<i>Neithard Bulst</i>	
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
<i>P.V. Krylov</i>	
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
<i>A.L. Yurganov</i>	
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

<i>O.A. Savelyeva</i>	
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Romm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333